

тем больше у подростка шансов пройти его благополучно. Также нужно иметь в виду, что всегда есть небольшое количество подростков, предпочитающих избегать решения проблемы или иным образом уклоняться от активных действий. Эта категория подростков – те, кто наиболее всего нуждается в поддержке со стороны референтного окружения, в одобрении и ненавязчивой помощи; предпочитая пассивность деятельности, они часто не способны самостоятельно решить возникающие проблемы и со временем их усугубляют. У этих же подростков происходит наиболее активное формирование разного рода психологических защит.

Э.К. Мугатабарова
РГППУ, Екатеринбург

Об особенностях смысловых значений у детей, находящихся в трудной жизненной ситуации

Социальной реабилитации детей и подростков, развитие личности которых протекает в трудных жизненных обстоятельствах, мешают смысловые и эмоциональные барьеры. Как отметили в своей работе о пределах допустимого М.И. Бобнева и Е.В. Шорохова, они (барьеры) являются «специальными формами защиты, позволяющими совершать предосудительные поступки без ущерба для своего «Я», так как все, что входит в систему общественных значений, не переходит в систему личностных смыслов, а эмоциональный барьер, выключающий сопереживание, снимает психическое напряжение». И если психологам и другим сотрудникам центра удастся сглаживать эту проблему, то во взаимодействии с коллективом она становится причиной социального отчуждения. Значения и смыслы многих понятий, на которых основаны законы, традиции, обычаи, у наших воспитанников во многом отличаются от сверстников из благополучных семей.

В своей работе мы исследовали подростков 12-16 лет, которые находились в нашем центре по направлению комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав в связи с лишением родительского попечения по тем или

иным причинам. Взяв за основу традиционный вариант оценки значений по Дж. Келли, мы сосредоточили свое внимание на трех основных сферах межличностного взаимодействия, где происходит социализация личности: семье, коллективе, среде неформального общения. Детям предлагался список понятий (репертуар элементов), в который вошли такие категории как «любовь», «защита», «дисциплина», «ответственность», «труд», «дружба», «преданность» и «зависимость». Далее совершался триадический выбор: испытуемым предлагалось из трех элементов выбрать и назвать два наиболее сходных между собой и определить, чем они отличаются от третьего. Например, А и Б – вежливые, а В – невоспитанные.

Затем, когда дети обозначали свое отношение с предложенным понятием теми или иными словами (самостоятельно и произвольно), мы использовали цветопредпочтения (по М. Люшеру) для сравнительной оценки субъективных значений с эмоционально – личностными переживаниями.

В целом полученные данные позволили сделать следующие выводы. Общепринятые значения семейных ценностей подростки наделяют такими индивидуальными личностными смыслами как: «добро», «радость», «помощь», «доверие», «забота», «нужность», «уважение», «ласка» и др. В цветовом тесте отношений одинаково значимым выбран красный цвет (импульс, стремления, полнота переживаний). Содержание конструкторов убедительно демонстрирует потребность в теплых семейных отношениях на когнитивном и аффективном уровнях.

Обратная ситуация наблюдается в коллективистически организованной форме отношений (система). Содержательно смысловая сфера представлена следующими конструктами: «презрение», «общение», «недоверие», «безразличие», «порядок», «скука», «старание» и др. В цветовых ассоциациях доминирует серый цвет (изоляция, свобода от обязательств, невовлеченность).

В среде неформального общения содержание общепринятых значений представлено кон-

структами «помощи», «понимания», «доверия», «мира», «мужества», «ответственности», «группы» и др. В цветовом тесте преобладает синий цвет (удовлетворенность, принадлежность).

При содержательном анализе данных наиболее диагностической информативностью обладают названия выделенных конструкторов. Именно в этих компонентах проявляются особенности смысловых значений детей и те ориентации, которые они выбирают для своего развития. Также диагностически значимым является не только ранг цвета, с которым ребенок ассоциирует, конкретное понятие, но и сам этот цвет. Так, ассоциация с красным указывает на доминантную потребность в семье. Ассоциация с серым свидетельствует о непонимании и отгороженности ребенка от правил системы. Ассоциация с синим говорит о достаточно комфортном пребывании в среде неформального общения.

В результате получается, что только в среде подросток находит щит помощи и понимания. Где здоровая тяга к коллективности выражается в опасный групповой эгоизм, некритическую гиперидентификацию с группой и её лидером, в неумении и нежелании сознательно взвесить и оценить частные групповые нормы и ценности в свете более общих социальных критериев. Аморфная нравственность подростка делает его зависимым от мнения других. Компенсация несамостоятельности достигается путём преданности общности «мы» и нигилистического отношения ко всем, кто входит в «они». Развивается «рефлекс подражания», который побуждает их не критически перенимать формы поведения у более запущенных подростков. В этот кризисный момент формирования самосознания и происходит наполнение системы общих значений своими, индивидуальными, личностными смыслами. Формируется индивидуальная система значений, несущая личностное знание (индивидуальное сознание подростка). Этим объясняется возрастание степени трудновоспитуемости (независимо от педагогических влияний и движений) по вектору отклоняющегося поведения вплоть до делинквентности (правонарушения).

Психологические травмы у детей

Внутренний мир ребёнка состоит из ярких, счастливых и дорогих для него картин воспоминаний. И вдруг в это радостное и безмятежное существование вторгается травма! Черная, жестокая и нелепая, всегда неожиданная, физическая травма несёт с собой и физические потери, которые, на фоне пережитой угрозы для жизни, часто сопровождаются и психологической травмой.

Причиной всего этого могут быть дорожная авария или теракт, тяжёлый ожог или собственная болезнь, смерть близкого человека или его болезнь. Ребёнок может пережить психологический шок, даже если он был лишь очевидцем трагического события, а не непосредственным его участником. При этом сила его эмоций настолько высока, что сбивает все отлаженные механизмы психологической защиты. У ребёнка исчезают как ощущение защищённости и целостности собственного тела, а так же чувство уверенности в себе и в близких людях.

Восприятие человеком события как травматического очень индивидуально и зависит от его личности, степени вовлечённости в это событие, его предыдущего опыта восприятия и преодоления драматических ситуаций. К счастью, для большинства из нас, особенно для тех, кто не являлся прямым участником трагедии, последствия такого события могут ограничиться лишь естественной реакцией страха. И эти люди затем возвращаются к нормальной жизни, воспринимая потери как неотъемлемую часть этой жизни, и научившись от них отвлекаться. В некоторых случаях, особенно если ребёнок (это относится также и к взрослому) непосредственно участвовал в трагическом событии, у пострадавшего нередко развивается психологическое расстройство, так называемый посттравматический стресс. При этом его преследуют навязчивые и часто повторяющиеся страшные картины происшедшей трагедии, избавиться от которых он не в состоянии; постоянно мучают ночные кошмары, чувства беспо-